

Серия «Бессмертный полк»

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ-ИЖЕВСКИЙ



ВАСИЛЁК
ТЕВТОНСКИЙ
БАНТИК

Александр Щербаков-Ижевский Василёк Тевтонский Бантик. Серия «Бессмертный полк»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23878793

ISBN 9785448509322

Аннотация

Это были последние масштабные бои Великой Отечественной войны. Из медицинского учреждения спиртное добывали из препаратов, заспиртованных крыс, гадов, солитёров. Спьяна заехал полковник на штабном автобусе прямо в расположение немцев. Оборона Риги была крепким орешком. Смазливых дамочек забирали для «дополнительной проверки». У штрафника Коновалова жизнь была государственной собственностью. Своей ценою не дороже, чем пара пятаков в базарный день. Толмач и переводчик был Василёк Тевтонский Бантик.

Василёк
Тевтонский Бантик
Серия «Бессмертный полк»

Александр
Щербаков-Ижевский

*Светлой памяти моего отца Ивана Петровича
Щербакова (28.10.23 – 10.06.64) посвящая...*

*Вечный ореол бессмертия и лавры победителей
героям Великой Отечественной войны!*

Редактор Анна Леонидовна Павлова

Корректор Игорь Иванович Рысаев

Дизайнер обложки Александр Иванович Щербаков

© Александр Щербаков-Ижевский, 2017

© Александр Иванович Щербаков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0932-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Весной 1945 остатки германских войск группы армии «Се-

вер» отступили к Балтийскому морю и оказались зажаты двумя советскими фронтами по линии Тукумс-Лиепая длиной всего 200 километров.

Почти 400 тысяч человек немецкой группировки не были полностью блокированы с моря и имели свободное сообщение с основными силами Вермахта. Наш Краснознамённый Балтийский флот на то время понёс колоссальные потери и достойно противостоять немецкой вакханалии попросту не мог. Не было у него ни сил, ни средств.

Вплоть до конца мая велись ожесточенные бои с целью ликвидации Курляндской группировки. Линию фронта удалось лишь на несколько километров продвинуть вглубь. Некоторые населенные пункты переходили из рук в руки по нескольку раз.

Крупные боевые действия прекратились только после 23 мая 1945 года, уже после безоговорочной капитуляции Берлина.

Это были последние масштабные бои Великой Отечественной войны, в которых на главном рубеже наступления непосредственное участие пришлось принимать и мне, тогда гвардии капитану, командиру миномётной роты.

Дороги в Прибалтике были замечательными. В приподнятом настроении мы быстро осваивали километры. По ходу нашего движения мимо проплывали красивые холмы и леса, благоустроенные хутора и виллы.

Батарейцы почувствовали сытую жизнь. Появился «под-

ножный корм»: куры, свиньи, коровье молоко, овощи, ягоды. Солдату было что пожрать и выпить.

Например, из местного медицинского учреждения «спиртное добывали из препаратов, заспиртованных крыс, гадов, солитёров».

А ящики с вином «от всей души» дарили освободителям местные фрау.

Портвейн у них был классный! А если не соглашались, то «активисты» быстрёхонько склоняли их к «прихватизации».

Много ли солдату надо. Если живой до привала, то выпить, да закусить малёхо.

Как-то сварили мы суп в ведре из трёх уток и курицы. Перед маршем, второпях старались прикончить его.

Представляете себе бульон: благоухание янтаря, густой букет аромата, отпечаток сытой и зажавшейся мирной жизни!

Но желудок не безразмерный. Ещё ложку, ещё чуток... Но нет, уже не лезет.

По команде, как всегда второпях мы начали собираться.

Вперёд, так вперёд, привыкли уже.

Но суп-то, наш золотой супчик!

Эх, пришлось божественный продукт вылить на землю.

Век не забуду вкус, запах и благовоние наваристого прибалтийского солдатского супчика.

Помню, тогда мы получили сухпаёк на целую неделю: хлеб, сахар, консервы и всё прочее. Увесистый «сидор»

я всегда старался не терять из виду. Но в пригороде мы спать легли в воронке, что вела к передовой. Набросали веток, соломы, поверх постелили шинели, прикрылись, опять же, шинелями. Сон был, конечно, богатырский.

Утром же, я был потрясён наглостью и цинизмом проходящих мимо бойцов из пехотного батальона. Бесценный вещмешок у меня стырили прямо во время отдыха. Ну, и козлы! Отморозки халявные.

Пришлось мне неделю питаться на подаваниях сослуживцев.

А начальник штаба бригады Харевский расслабился.

По глупости и спяна заехал полковник на штабном автобусе прямо в расположение немцев, которых мы не выбили с краю небольшого хутора.

Но солдаты быстрёхонько, за двадцать минут отбили его. Положили махом всю немчуру на разъезде.

А труп полковника пришлось с почестями похоронить. Прямо здесь, на совершенно чужой для нас курляндской земле.

Незавидная, скажу вам, участь советского офицера. Через недельку холмик сравняют с землёй местные националисты.

Не найти и следа будет у могилки красного командира.

Вспомню ещё, как мы продвигались по Прибалтике.

В ночь, на 6 октября 1944 года наша 7-я гвардейская стрелковая дивизия овладела юго-восточной окраиной города Огре.

При штурме мы прибегли к хитрости.

«На лодки было посажено отделение сержанта Виктора Голубева. По Даугаве смельчаки спустились вниз, вышли на лесистый берег за городом и оттуда проникли обратно в город. Рассредоточившись, они подняли стрельбу из автоматов, пускали ракеты, бросали гранаты, всеми средствами отвлекали внимание оборонявшихся немцев. Оказавшись между двух огней, противник отошёл».

Вроде всё просто. Но без потерь всё равно не обошлось.

Убитых схоронили на окраине города. Не решились в центре европейского поселения. Пусть местные власти сами решают, как поступить в дальнейшем с прахом освободителей.

Оборона Риги тоже была крепким орешком. У немцев там было две линии обороны.

Первая полоса проходила по левобережью рек Гауя, Криевупе, Маза-Югла, через станцию Саласпилс, Кекаву и далее, круто поворачивая на север, упираясь в Рижский залив.

Вторая тянулась в 6—12 километрах за первой.

Многочисленные болота, небольшие озёра, ручейки, глубокие наполненные водой канавы крайне затрудняли движение.

Само Рижское озеро длиной около 8 километров и шириной до 3 километров стало для нас естественной преградой. По его краям пробить бреши в обороне противника не удалось.

Тогда нам на подмогу подошли 80 «амфибий» подполков-

ника Киселёва. Каждая из них могла взять на борт 5 десантников с оружием.

Передовой отряд, рота автоматчиков Максимова прямо с воды атаковала неприятеля.

Немцы перепугались, видимо подумали, что это танки. Ну, и драпанули.

Передовая линия обороны фашистов была смята атакующими десантниками сходу.

Сама же Рига горела.

В городе свирепствовали охранники и эсэсовцы, сапёры и команды факельщиков. Они грабили и разрушали город, убивали арестованных и всех, кто симпатизировал русским.

13 октября 1944 года была освобождена правобережная Рига и её предместья. Но с 14-го октября завязались ожесточённые бои за левобережье.

В Ригу, крупнейший хозяйственный и политический центр Латвии мы вошли по северному берегу реки Западная Двина в числе первых.

На привокзальном рынке висела огромная надпись «Herman Goering Werke» (предприятие Германа Геринга).

Местное население встретило нас доброжелательно и вместе с нашими солдатами громило винные лавки.

Штабные офицеры, под видом проверки документов осматривали местных. Смазливых дамочек забирали для «дополнительной проверки», которую и производили в укромном местечке.

Конечно, это было очень плохо. Но за каждым солдатом часового не поставишь.

Латвия. Знаменитый курорт Юрмала, что в 25 километрах от Риги был преодолен быстрым марш-броском.

Далее гвардейская дивизия сходу смела защитный гарнизон стратегически важного железнодорожного узла расположенного возле бальнеологического курорта Кемери, что на берегу реки Лиелупе.

Сама речушка шириною до 150 метров была очень извилистой и с неторопливым течением. Берега кое-где болотистые, песчаные, но достаточно пологие. Вода, конечно же, мутная и холодная.

Задача, которую выполнял 14-й гвардейский стрелковый полк, на первый взгляд была, казалась простой, проще не бывает. Необходимо было стремительным броском осуществить переправу и закрепиться на западном берегу речушки Лиелупе.

Надо отметить, что в то время концентрация гитлеровцев по линии фронта была сумасшедшая. На немецкую дивизию до 15 000 человек приходилось всего 6,6 километров фронта. Все вражеские позиции были наспигованы техникой.

Противник, с решительностью обреченных смертников, сопротивлялся отчаянно, и отступать не собирался.

Основу обороны у немцев составляли танки, зарытые по башни в землю. Уничтожить их было возможно только из орудий крупного калибра и с прямой наводки.

Как преодолеть, казалось бы, неширокую водную преграду?

На берегу, в овраге саперы уже приготовили понтоны. К бою все было готово.

Для занятия плацдарма на другом побережье вызвались добровольцы: командир взвода, лейтенант из пополнения да шестеро бывалых рядовых, подносчики мин. По два от каждого миномёта.

Минометная рота заняла концентрированную позицию в траншее и по команде обрушила на передовую линию противника, что держал оборону вдоль берега реки, всю мощь своего огня.

Бойцы с маленьким плотиком, на котором лежали боеприпасы, вплавь рванули на противоположный берег.

Из воды выбрались только четверо.

Видно было, что они заняли неплохую позицию за валунами и сразу же стали поддерживать огнем наступающий в их направлении батальон.

Весь полк в полном составе начал победоносный штурм.

Вода вспенилась от разрывов снарядов и осколков, свист пуль пригибал к земле, не позволяя вести наступление в полный рост.

Воздух сотрясался от детонации.

Перемахнув речушку и перетаскивая минометы на новое местоположение уже в захваченные траншеи гитлеровцев, батареицы увидели страшную картину.

Рядовой Василий Халимов лежал за горкой из галечника, уткнувшись лицом в холодные камни. Одна нога у него была оторвана по колено и валялась рядом, стопы другой не было вовсе.

Кровь заливала лицо, он уже не видел врага, но руки передергивали затвор винтовки, в обойме которой давно закончились патроны.

Он все перещелкивал и стрелял. Раз, два, три...

Так и умер несломленным боец Халимов.

Но атака продолжалась, останавливаться было нельзя, смерти подобно.

А когда бой закончился, уже под вечер, мы вернулись, чтобы захоронить героев.

Однако, рядовой Халимов и все его погибшие однополчане были уже похоронены в братской могиле на берегу свободной теперь реки Лиелупе.

А теперь о другом, в этом же беспощадном и смертельном бою.

Героизм бойцов в те времена был запредельный.

Потеряв все силы, устав от беспомощности и унижения жертвенных атак, в разгар боя на бруствер траншеи выскочил не сломленный, разгоряченный и злой пехотный лейтенант, Ринат из Казани, с которым вместе призывались.

– На носу победа, а я что, до конца дней своих перед фрицами на карачках ползать буду? – закричал взводный Ринат, – в атаку, ребята!

Но тут же прозвучал взрыв мины.

На его счастье, в тот раз осколок прилетел ему прямо... в задницу, разворотив ствол «ТТ», висевшего в кобуре. Самому же никакого урона нанесено не было.

Уже после боя в трофейном блиндаже, приняв «на грудь» сто грамм фронтовых и даже больше, выжившие бойцы осматривали раскуроченный пистолет, шутя похлопывали лейтенанта по счастливой заднице, подсмеивались над ним

– Во, счастливчик, повезло как. Это добрый знак. Доживешь до победы! Обязательно доживешь!

Война близилась к своему завершению.

В то время у каждого бойца была самая заветная мечта: дожить до полной победы!

Тем не менее, не смог молоденький офицер дожить до конца войны. Не получилось у него живым встретить долгожданную победу. Позже он погиб при освобождении от фашистов красивой европейской земли с необычным названием Курляндия, что у самого Балтийского моря.

А мы тем временем нарезали по территории красивой Курляндии очередные километры.

На развилке ухоженных дорог висел на большом планшете транспарант, написанный на немецком языке: «Berlin – 1125 Kilometer». А по верху этой надписи, куском штукатурки было начертано: «Не х...я, дойдём!».

Дыхание Балтийского моря было сырым и холодным. Практически прекратились дожди, и значительно реже

на землю опускались туманы.

14-й гвардейский стрелковый полк, в составе 7-й гвардейской стрелковой дивизии успешнее других наступал вдоль Рижского залива.

Но наступление было остановлено на подступах к Тукумсу.

Потери были огромные.

1 апреля 1945 года 10-я гвардейская армия в состав которой мы входили, перешла в состав Ленинградского фронта. Именно на него и была возложена задача по полному уничтожению Курляндской группировки.

10 мая 1945 года, уже после капитуляции Германии советскими войсками, была предпринята очередная, последняя, пятая по счету, попытка сломать оборону немцев в Курляндии. После чего были заняты несколько населенных пунктов, и лишь некоторые немецкие части начали сдаваться в плен.

В последней фазе сражения немецкая группировка насчитывала до 230 000 человек (в Сталинградском котле было до 200 000 человек).

А всего в мае мы потеряли там убитыми 30 000 человек и 130 000 ранеными (для сравнения в январе там же было 40 000 убитыми).

Несмотря на всю мощь и боевой опыт Красной Армии, усилиями Ленинградского фронта даже через месяц после взятия Кёнигсберга не удалось сбросить немцев в море.

Берлин капитулировал, но немцы из Курляндии все-та-

ки прорывались в Германию конвоями, баржами, катерами по морю, уходили в леса, переправлялись в Швецию, шли даже в сторону Восточной Пруссии.

Ожесточенные схватки с немецкими отступающими частями продолжались до конца июля 1945 года.

Что касалось ожесточённого и жертвенного боя у реки Лилупе.

В то время ротный старшина Семён Михалыч передал мне солдатский жетон и документы рядового Халимова.

Хорошо помню, что в треугольничке из дома детской рукой было написано:

«Добрый день, а может быть и вечер любимый наш тенька.

Здравствуйте.

Я без вас шипко скучаю. Очень, очень скучаю.

Дома холодно и неудобно.

Мамка всё на ферме пропадает. Уходит затемно и приходит ночью.

Хотела бы взглянуть на вас, хоть одним глазком.

Хоть на часок приезжайте. Посмотрю, и вы сразу уйдёте.

Вот пишу вам, а мамка ругается, что керосин жгу.

Деньги закончились, на трудодни в колхозе выдавать нечего, а кушать очень хочется. Но я потерплю. Дождусь вас.

Без вас очень тяжело и плохо.

И у меня слёзы сами из глаз катятся. Очень уж жду вас сильно до дому.

Жду ответа, как соловей лета. Писала ваша дочь Галя...

.....

Курляндия. Весна 1945 года.

Шел третий месяц после капитуляции нашего злейшего врага, фашистской Германии. Наша 7-я гвардейская Краснознаменная Режицкая стрелковая дивизия продолжала вести тяжелые позиционные бои по уничтожению остатков действующих частей немцев на Курляндском плацдарме. Прижатая к Балтийскому морю и Рижскому заливу 200 тысячная группировка защищалась ожесточенно, ни намека не выказывая на капитуляцию.

Ответственная территория, за которую отвечал наш 14 гвардейский стрелковый полк, находилась в непосредственной близости от Балтийского моря.

Это были последние, полномасштабные боевые действия в Великой Отечественной войне.

...Традиционно, в штаб мы прибыли на двуколке ездового Колчина. Чуть позже нас припылили две подводы с сопровождающими, по два на каждую единицу. Они сразу прошмыгнули на армейские склады. Надо было получить новое обмундирование для офицеров.

Может быть, и шнапсом удастся разжиться. Победа же все-таки.

Наш комполка, ссылаясь на данные разведки, определил

место для постоя моей минометной батарее на пути из Аудрини до Рикавы. Начальник оперчасти штаба полка вручил новую карту.

Это была копия трофейной двухкилометровки, с частью территории Курляндии, которую нам предстояло осваивать.

А начштаба, майор Бутузов панибратски похлопал меня по плечу, ткнул пальцем на точку в карте и, как бы, случайно обронил вдогонку:

– Вот ваше место временной дислокации. Говорят, что это замок Тевтонского ордена, между прочим.

– А может гнездо крестоносцев, парировал, я.

– Да какая хрень, разница. Занимай и владей на время постоя. Позднее определим постоянное место размещения и, соответственно укажем время занятия позиций. Все понял?

– Так точно, понял товарищ гвардии майор. Разрешите идти.

– Иди, гвардии капитан. Иди.

Я отдал под козырек, развернулся на каблуках и прищелкнул для большего форсу.

– Иван, – вслед тихо обратился майор, – не забывай, что это чужая страна. Не все здесь рады нашему приходу. Людей береги.

– К чему это он осторожничает сверх меры, – подумалось мне тогда.

Правда, молодцы штабисты, для общения с местным населением, предусмотрительно закрепили за ротой перевод-

чика.

Одно что толмач, это громко было сказано.

С виду лет восемнадцати от роду. Росточка невысокого. Рыжие скандинавские завитушки волос и конопушки на курносом лице.

Парнишка был одет в шерстяной пуловер крупной клетки и фиолетового цвета рубашку. Вельветовые штаны над взъёмом ноги были пережаты широким пояском с большой пуговицей. На голове широкополый картуз. Завершали колоритную внешность круглые очки в черной оправе.

Назначенец был из штаба, поэтому выбирать не приходилось. Какой уж есть. Но все равно, наш франтовый паренёк был маловат для действующей.

– Василис Фрейбергис, – представился настоящий европейский щёголь.

– Ну, стало быть, будешь у нас Васильком, – как всегда выпятил вперёд своё мнение ездовой Колчин. А взглянув на длинные шнурки ботинок, завязанные в четыре бантика, категорично подытожил, – Василек Тевтонский бантик, однако. Все улыбнулись. Значится, одобрили.

Колчин был уже готов к отъезду и тот час же расторопно подогнал к штабу двуколку. Рыжая, мохнатая лошаденка небольшого росточка по имени Белка сноровисто и быстро рванула с места рысью. Позади, в облаке нашей пыли примостились две телеги с полевым имуществом.

В Европе расстояния между населенными пунктами

небольшие. Колонна быстрехонько добралась до отдохавшей на привале роты. Ожидавшие нас бойцы мирно и не по военному спокойно расположились на роскошной заливной лужайке.

На карте это место имело обозначение, как Свиной луг. Красивая луговина со странным названием для нас была всего лишь транзитным пристанищем.

Окинув взглядом своих воинов, я дал команду на построение перед маршем. В таких случаях переключка обязательна.

Мы быстро завершили необходимую процедуру и колонна советских военнослужащих весело, с огоньком двинулась к намеченной цели.

К небу поднялось великое облако пыли. Но никто на эту мелочь не обращал внимания. Обычное солдатское состояние, когда песчаная взвесь скрипит на зубах. Полевое мироощущение через дорожные страдания, одним словом.

Скорей бы привал, ночлег и отдых.

Других мыслей, желаний у солдат не было. Да и в желудке уже, что-то жулькало и шкваркало. Хотелось есть, аж сосало под ложечкой.

За пригорком показались руины громадного здания из красного кирпича. Черепичная крыша была снесена напроць, но кирпичные стены устояли. В них были видны пробоины от прямых бронебойных попаданий, которые зияли черной пустотой.

Часть надворных построек была разрушена полностью, другие, как на детских картинках ужаса: с обваленной трубой, обрушенным углом, выбитыми рамами.

Можно было только представить, какой ожесточённый бой перенёс Тевтонский замок. Крепко же ему досталось.

Но, не смотря на разруху, дом по нашим, провинциальным меркам был просто громадным.

Колчин приостановил двуколку. Я привстал на облучок и взмахнул рукой. Так было положено. По команде командира рота остановилась и притихла.

Дождавшись, когда осядет облако пыли зычным, тренированным голосом коротко изложил приказ. Нам предстояло занять территорию замка, все его помещения и разместиться на кратковременный постой. Конечно, с последующим ночлегом.

Взводные тут же построили расчеты, устроили перекличку и назначили дозорных. На войне не шутят. Дисциплина превыше всего.

Выделенные повзводно разведчики приступили к осмотру здания.

Хуже всего, если со спины прозвучит предательский выстрел.

В конце концов, операция по разведке помещений была успешно закончена. И шумная орава мужиков с лошадьми, двуколками, телегами ввалилась во двор средневекового замка.

Значительную часть обоза занимал наш походный скarb. Ведь на войне быстро обрастают обязательным сопутствующим барахлом. Это различное железо, бочки, лопаты, ломы и ломики, кувалды, фанерные листы, доски, даже кирпичи и оконные стёкла, чтобы от ветра с дождём в поле укрыться.

В строгом порядке и отдельно находилась минометная матчасть, ЗИП, оружие и боеприпасы.

Как всегда большой объём занимал фураж для лошадей.

Со всех сторон слышался шум-гам-стук-бряк-звон-крик-хохот попеременно со скабрёзным матом, густо размешанным стуком копыт и ржанием лошадей.

Повсюду, куда ни взглянь, наблюдался кажущийся хаос и кавардак.

Закрой глаза, зажмурься покрепче и перед глазами возникнет образ шабаша в базарный воскресный день. Гоп-стоп, с фронтовым окрасом.

Скажу вам честно, что далеко не каждый сможет вынести такое нашествие воинов-героев!

А что делать, когда молодая кровь не успокоилась в жилах, адреналин зашкаливает, а эмоции бьют через край?

В таких случаях, единственное спасение для снятия внутреннего напряжения, это отдых. Естественно, через богатырский сон.

Если место отдыха было уже определено, то в первую очередь задача ротного была определиться с постоем лошадей. Обеспечить их фуражом, указать место под стойло, напоить

живое госимущество.

Дав команды, я убедился, что ездовые все поняли правильно. Они, мужики спорые. Сноровистые. Лучше к ним не лезть с советами. Сами все смекнут, и все устроят как надо. Мужичья хватка, одним словом.

Пока разбирался с лошадьми, полевая кухня уже раскочегарила походную печь. Надо было поскорее утолить голод боевых товарищей.

Как бы ни устали бойцы и тяжело им не было, а без шутки-прибаутки никак было нельзя. Слышу, громкий смех у сарая. Подхожу.

Заряжающему Коляну Молеву в ствол ППШ вставили стелек сухостоя и закрепили на нём пойманную бабочку. Весь взвод покатывался со смеху. Бойцы показывали на нее и кричали

– Моль! Моль! Смотрите братцы, моль у Молева! Немчура, берегись Молева! Особо, когда из ППШ шмалять будет! – шум и хохот стоял невообразимый.

Смешно и прикольно было всем, кроме Коляна. Я-то понимал, что он тут присутствует всего лишь опосредовано. Просто людям надо было, каким либо образом адреналин сбросить, потому что близкое ощущение смерти отошло на второй план. Можно сказать, было отложено и перенесено на завтра.

А в другом углу двора, были развлечения по жесткому. Бойцы разыгрывали «ромашку». Проигравшие, получа-

ли под загривок приличного «леща». Хилые и тщедушные, летели носом прямёхонько в пыльную колею. Под различные шутки и прибаутки, естественно.

Провинившиеся на марше нарядники чистили картошку у белоснежной стенки флигеля. Все четверо мирно переговаривались между собой, не обращая внимания на всеобщий гвалт. Но, вот, рядовой Ибрагимов привстал, чтобы дотянуться до плавающей в воде картошки, а когда попытался сесть, чурбачок уже убрали. Ну и полетел, конечно, вверх тормашками.

Дальше он безуспешно гонял виновника проказы пару кругов по двору. Обменявшись затрещинами, нарядники снова мирно уселись рядышком, продолжая чистить картофель.

От полевой кухни на все подворье распространялся потрясающе аппетитный запах перловой каши по-флотски.

Ротный балагур, сержант Сарафанов, приобняв таких же юморных шутников о чем-то договаривался с ними. Подойдя ко мне, детально изложил план посвящения в гвардейцы толмача-переводчика. Ну а что тут такого, пришлось соглашаться.

Между прочим, нам было по двадцать лет. А на привалах, за разными развесёлыми штучками-дрючками стояла очередь. Солдаты, несмотря на военно-полевые условия, о шутке никогда не забывали. И ценили её особо.

Пригласив Василька для общения с аборигенами, взвод

поочерёдно вышел за территорию подворья для осмотра местности. Потолкавшись по луговине, люди вернулись к ограде.

Все были безумно голодными. Потрясающе аппетитный запах солдатской каши витал в воздухе.

Сарафанов подозвал переводчика и объяснил ему аксиому, что когда обед бывает готов, у кухонных баков случается настоящий аврал и штурм. Кто первый-тот сытый. А кто не прорвался к заветному походнику, извините, в следующий раз удачливее будет.

Хилый Василёк со своим тщедушным видом увял.

– Ничего, брат, есть шанс. Ты у нас парень шустрый. Будешь знаменосцем. А мы уж за тобой тараном. Живо разгоним не «нашу» братву, – подбодрили его служивые.

Посыльный Сидорчук протянул Васильку трофейную шелковую голубую скатерть. Объяснил, что под дружные крики «ура» мы все должны ворваться во двор. Главная задача отбить у повара флягу каши, чтобы всем хватило

– Будем праздновать твою «гвардию»! Все понял?

Василек удивленно хлопал глазами и согласно кивал головой.

Тут же подскочил ефрейтор Юрка Васильев и протянул длинную ольховую вицу

– Привяжи свой флаг, переводчик!

Не давая толмачу опомниться, Сарафанов построил бойцов в две шеренги. Прозвучала команда

– Вперед!

Выталкивая Василька в первые ряды, бегущие ринулись следом за ним с криками, шумом и гамом к входным воротам. Окрыленный массовым психозом, Василек орал громче всех. Ему представлялось, что он чуть ли не настоящий командир-герой. А за ним его боевые друзья-товарищи, солдаты.

Добежав до ворот и не забегая во двор, приколисты-юмористы резко свернули вправо-влево от дверного проёма.

Получилось так, что Василёк в единственном числе вошёл на подворье.

...А теперь представьте себе следующую картину.

Голодные бойцы, мирно переминаясь с ноги на ногу, стояли в очереди со своими котелками за пайкой армейской перловой каши по-флотски. И, вдруг, с истошными криками: «Ур-р-а-а!» с высоко поднятым голубым флагом во двор влетает Василек и несется к полевой кухне.

От неожиданности, кто-то уронил котелок. Кто-то расступился. А кто-то неподвижно застыл в недоумении.

Василек же подскочил к котлам и воткнул в землю древко своего флага. Самодовольно улыбнувшись, он потребовал у повара целую флягу каши для своего взвода. Ведь им предстояло отпраздновать посвящение его в гвардию.

Во дворе воцарилась мёртвая тишина...

До Василька стало с трудом что-то доходить. Оглянувшись, он не увидел за своей спиной ни одного солдата из сво-

его взвода.

Лишь посредине двора, с голубым знаменем у ноги одиноко стоял ошарашенный от предательства Василек.

Вся рота грохнула со смеху.

Некоторых ржачка переломила надвое. Кто-то икал от изнеможения. Другие от приступа смеха до упаду закрыли лицо руками. Иные прилегли на травку и сучили ногами.

Все просто умирали от гомерического хохота!

Испуганные необычным поведением людей, кони трясли упряжью и тоже ржали. Короче: хохотание, гвалт, шум, гоготание, ржание и фыркание лошадей!

Одним словом, смехотища и незабываемое веселье повсюду!

Через некоторое время бойцы вспомнили о переводчике. Посвященный в гвардейцы Василек сидел на ступеньке флигельного крылечка и плакал. Он не видел веселящихся бойцов. Горькие слезы застилали ему глаза.

Несчастный, одинокий и обиженный всеми совсем еще ребенок.

На подворье воцарилась мертвая тишина.

Почему-то, люди стали спешно расходится. Виновато опустив голову, возле кухни стоял Сарафанов.

Старшина Шарипов, словно спохватившись, подошел к Васильку и присел рядом. Плечи мальчишки содрогались от беззвучных рыданий. Аксакал положил руку на вихрастую голову переводчика и прижал его к своей широкой гру-

ди.

Василёк не понимал происшедшее. Он не был гвардейцем.

Мы видели перед собою честного, правильного и воспитанного мальчика. Публично нанесенная обида разрывала юную душу тевтонского отпрыска.

А приколисты-то что? Понятное дело, что не вызовешь же на дуэль Сарафанова.

Я решил каким-либо образом разрядить обстановку.

Поправив гимнастёрку, строевым шагом подошёл к переводчику и, прищёлкнув каблуками, гаркнул на весь двор

– Товарищи солдаты, всем встать смирно! Вольнонаёмный Фрейбергис, отставить мокроту! Вами успешно пройдены военно-обязательные учения по установке условного символа гвардии на указанный старшим командиром взвода плацдарм!

Экзамен пройден успешно! Оценка «отлично»!

Поздравляю вас, вольнонаёмный Фрейбергис! Можете быть свободны.

Отдыхайте, товарищи.

Всем вольна-а-а!

Рота-а-а, разо-о-о-ойдись!

Ошарашенный напором командира Василёк вскочил, вытянулся во «фрунт» и взял под козырёк. Он просто не мог поверить своим глазам. По всему двору, вытянувшись по стойке «смирно» стояли бойцы подразделения и отдавали ему

честь.

Мне показалось, что дышать ему стало трудно, от навалившей на него славы и охватившего чувства гордости.

Потихоньку Василек успокоился от причиненной ему обиды. Притихшие бойцы быстро рассосались по закоулкам двора. Каждый из них тоже понимал совершенную неправимую ошибку. Конечно, большинство вернулись своими мыслями в недалекое детство.

До самой ночи гнетущая тишина висела над подворьем.

Не было слышно ни громкого разговора, ни смеха. Многие совестливые бойцы чувствовал себя виноватым от причинённой Васильку обиды.

Под вечер, когда уже начало смеркаться, прибежал посыльный от дозора:

– Разрешите обратиться, товарищ гвардии капитан?

– Что там у тебя?

– Дык, «прощай, Родина», приблудная батарея сорокопятиков, да при ней бойцы со штрафбата, на ночлег просят.

Вот тебе «дык!» Пришлось выругаться. И откуда их лихо-манка принесла. Посыльный подошел ко мне вплотную и зашептал на ухо:

– У них там, в обозе бадья трофейного спирту имеется...

Я был ошарашен новостью. Представилось, что целая бочка спирта на сотню голодных до праздника мужиков, каково это будет? Шила ведь в мешке не утаишь, как известно.

И что это будет за вакханалия!

Но, опять же, нельзя же не дать возможности солдату напомнить о победе и дать возможность «тяпнуть» спиртяшки за счет артиллеристов.

Одернув и расправив гимнастерку, я вышел за периметр двора. Из ближайшего лесочка выкатилась батарея сорокопятиок. На ходу были четыре орудия с лошадьми и обозом.

При них еще четверо штрафников с полевыми ранцами на плечах. Их сразу можно было отличить по красной окантовке пехотных погон.

Это чтобы распознать сразу, что особые люди. Ну, вроде меченые, если что.

Они так и держались поотдаль, присев на пыльной обочине и разместив с осторожностью у ног свою тяжелую поклажу. У меня возникло смутное предположение. Неспроста же им приклеилось, погоняло «смертники прощай, Родина».

В мою сторону направились артиллерийский капитан и взводный лейтенант пехотинец. Козырнув, представились: артиллерист Неверов и пехотный Чулкин. Пожали руки. Чтобы сократить процесс знакомства достали кисеты с махоркой.

Оглядев территорию, которая находилась под моим управлением, я дал команду и указал на место их расположения.

Все-таки подворье было занято нашей ротой. Поэтому я чувствовал себя за коменданта. Никто не возражал.

Оставив Неверова, спросил его насчет бадьи. Получил

подтверждающий ответ. Откуда, как и почему не стал выяснять. Тут же договорились насчет периодичности дежурства у особо ценного груза. Тротил-то никто грызть не будет. Охранять надо то, что можно залить в солдатскую глотку.

Пока затягивались табачком, да делились фронтовыми новостями, батарея «прощай, Родина» грамотно заняли у ограды дежурную позицию. Жерлами пушек в сторону леса.

Обоз занял место в укрытии за стенами примыкающего к ограде флигеля. Получалось, что за спиной артиллерийских расчётов.

Телегу с боекомплектотом оттащили за угол, под навес от греха подальше.

Лошадей примостили рядом с нашими, у стойла с фуражом. Правда, договорились, что лошадиный фураж каждый будет использовать из своего запаса.

Артиллеристы, чётко, слаженно и по-фронтовому быстро организовали свой ночлег.

– Молодец, капитан, знает толк на марше, – оценил миомоходом.

Стемнело, когда насытившись, бойцы разделились по небольшим группам и стали готовиться ко сну.

По договоренности с офицерами-гостями мы пригласили к своему столу взводных. Те скоренько явились. Здесь-то мы и обрадовали их своим решением. Предложили им отпраздновать победу и в честь нашей виктории разлить по двести

пятьдесят грамм трофейного спирта на котелок. Те моментально исчезли, чтобы доложить о радостном известии своих мужиков.

– Ур-р-р-а-а! – разнеслось по округе! Мощное, раскатистое, да еще троекратное!

Выпить, запить-закусить не составило труда. Отвыкшие от такого питья организмы мгновенно почувствовали дозу. Пошли разговоры, где-то затянули песню.

Я подошел к штрафникам и попросил сопровождавшего меня Василька сбегать до кухни, принести что-нибудь, закусить. Тот быстренько обернулся туда-сюда.

Выпили. Им было совсем не весело. Грусть прослеживалась в разговоре. Объяснились.

Конечно, большая глупость попасть в штрафбат, да еще после победы. Однако, выяснилось, что каждый из них имел свой дисциплинарный проступок.

Один за пьянку.

Другой приложил по уху зажавшегося штабиста.

Третий для общего взводного пропитания прибрал из проезжавшей машины ящик тушенки.

А бывший майор и командир батальона, отказался поднимать людей в лобовую смертельную атаку на дзот.

Особо тронула нас история бывшего майора Коновалова. Ценой своего позора и мытарств он спас не один десяток солдатских душ. А дзот, на который батальон в тот раз не пошел в атаку, уже на следующий же день вдрызг разнес-

ли бронебойными зенитчики из соседнего арtpолка. Погода для немецких самолетов тогда была не летная, вот они и маялись от безделья.

А что до бывшего майора, трибунал состоялся и, собственно, сантименты были здесь не уместны. Искупить, так сказать, надобно было.

Родом он был из уральской глубинки. Дважды по ошибке приходили на него в деревню похоронки. Ну, жена и слетела с «катушек» от горя. Не ведая, что творит, пыталась младшенькой трёхгодовалой дочурке подсунуть соску с отравой, каустической содой.

Старая бабка, увидевшая инцидент спохватились вовремя. Не раздумывая, вступилась в борьбу за малышку и отняла у простофили смертельный яд.

А спустя неделю, дурачина, вдруг, отправилась с мочальной веревкой в соседнюю рощу. Повеситься не дал колхозный мужик, который увидел и пресек возможную трагедию. Скрутил молодуху, связал той же веревкой и увез в город, в больницу для блаженных юродивых.

Соседи троих капитановых детишек пристроили по добросердечным и отзывчивым людям.

Обо всех этих семейных, приключившихся злоключениях, поведали ему далёкие родственники, разыскавшие его заветным почтовым треугольничком.

Сильно плакал бывший майор о том, что спасая жизни солдат, подвел свою семью к самому краю драматического

финала и, как бы ни пытался, не сумеет вытащить из беды своих деток.

– Домой мне срочно надо, домой, да побыстрее. Детушек своих спасать, – причитал боевой офицер, растирая по небритым щекам горькие скупые слезы.

Василек сидел рядом на скамейке. От рассказанной истории ему, конечно же, стало непривычно не по себе. У них, в безмятежной Европе всегда все спокойно и размеренно. Ни тебе встрясок, а тем более каких либо потрясений. А тут на тебе, целая семейная трагедия. Драма с несчастливым концом.

Захлопал он белесыми ресницами. Показалось мне или нет, но от услышанного исповедания, у него из-под очков скатилась слеза. В этот момент отвернулся он, правда, на лошадей взглянуть.

Эх, Василек, Василек тебя-то, что ждет во взрослой жизни?

Разговоры затянулись допоздна.

Пудобнее притулившись на крылечке и закутавшись в шинель, я провалился в глубокую яму богатырского сна. Утренний сырой туман окутал подворье.

Светало, когда посыльный из дозора стал тормошить меня за плечо

– Товарищ гвардии капитан, немцы, – выдохнул он полусшепотом.

Сон, как ветром сдуло. Схватив портупею, оружие я од-

ним махом выскочил со двора.

...Урча моторами и выбрасывая вверх из торчащих глушителей клубы сизого дыма, от леска в нашем направлении двигались два «Тигра» в окружении роты эсэсовцев.

Обтекая танки слева и справа, с высоко засученными рукавами, приложив к своим бокам шмайссеры, фашисты быстрыми шагами сокращали расстояние до замка.

Наша рота была как раз на их пути к Рижскому заливу, поэтому сомнений не было, что мы становимся их главным препятствием.

Для меня всё было ясно. Мои задремавшие часовые однозначно проморгали вражескую разведку. А местные националисты передали эсэсовцам всю информацию о размещении наших огневых точек, о количестве бойцов на подворье и, тем более, о нашей ночной пьянке.

Немецкие танкисты произвели всего два выстрела осколочными, а уже три сгрудившиеся сорокапятки были разорваны в клочья и разбросаны по сторонам придорожной канавы.

К прицелу четвёртой припал Неверов. Первый выстрел «прощай, Родина» чиркнул сбоку по «Тигру». Расчёт быстро закинул в казённик второй боеприпас. Секунда, вторая, третья... я зажмурился, ожидая выстрела «Тигра».

Хлёсткие выстрелы прозвучали одновременно. Взорванная, растерзанная на молекулы пушчонка, с кусками человеческого мяса разлетелась по пустырю.

Но и «Тигр» был тоже был ранен. Чудовищная громадина с разбитой гусеницей вертелась вокруг своей оси. А другое страшилище быстро сокращало расстояние между нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.